

СОЮЗ НЕФТЕГАЗОПРОМЫШЛЕННИКОВ РОССИИ

Межотраслевой
экспертно-аналитический центр

ИМПОРТОНЕЗАВИСИМОСТЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ.

январь 2019

Тематическое приложение

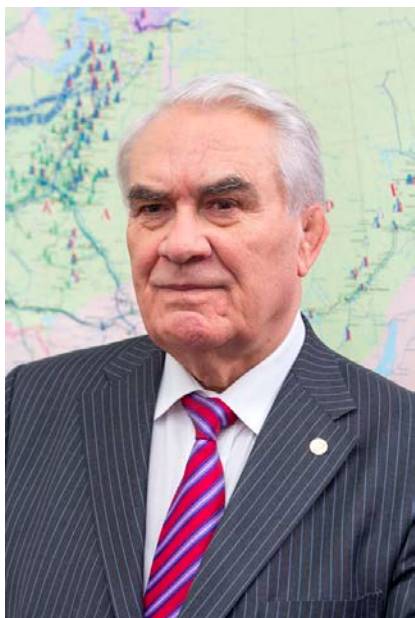
Тематическое приложение Бюллетеня Межотраслевого экспертно-аналитического центра Союза Нефтегазопромышленников России «Импортонезависимость: актуальные вопросы» – это интервью с экспертом о текущем уровне и состоянии импортонезависимости в отрасли, о проблемах, стоящих перед импортонезависимостью, и возможных путях их решения.

Мнение эксперта может не совпадать с другими точками зрения и позицией редакции. Поэтому задача данного тематического приложения – превратить свои страницы в место встречи различных точек зрения на те или иные проблемы развития импортонезависимости.

Читателю предлагается возможность услышать живое слово самых разных экспертов, представляющих всех участников сложнейшего и важнейшего процесса развития и усиления российской экономики.

Персона выпуска: Шмаль Генадий Иосифович

Интервью опубликовано в журнале «Бурение и нефть», январь 2019

Президент Союза Нефтегазопромышленников России

Кандидат экономических наук.

Действительный член Академии горных наук.

Автор более ста научных трудов, посвящённых проблемам повышения эффективности нефтегазового строительства.

Лауреат премии Правительства Российской Федерации.

Почётный работник Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности

Почётный работник газовой промышленности

Почётный строитель

– Геннадий Иосифович, как Вы оцениваете текущее состояние импортозамещения в отраслях ТЭК и химии?

Я считаю, что линия, которая сейчас есть, правильная. Хотя может быть не в полной мере. Есть программа импортозамещения, утверждённая правительством. И по ней работают. Создано более 10 рабочих групп, которые возглавляют специалисты нефтяных компаний. Считаю, немало уже сделано. Правда, больше в плане технологического оборудования, насосов. В чем мы пока отстаём? В автоматизации, управлении, механизации, а также в программном обеспечении. Пока наши компании охотнее берут импортное. Так сложилось, не вчера и не сегодня.

Оборудование, которое поставлялось нам из-за рубежа, приходило со своим программным управлением, по-другому и быть не могло. Поэтому сегодня, для того чтобы отказаться и перейти на наши решения, нужно проделать огромную работу. Думаю, что, конечно, этим заниматься надо, но в один день мы это не сделаем. Возможно, только лишь к 2024-2025 годам мы сможем в значительной мере освободиться от импорта. Полностью, думаю, вряд ли удастся. Но мы никогда и не ставили задачу достижения 100%-го импортозамещения. Даже 85-90% – это уже будет достаточно хороший показатель.

Наверное, надо более активно заниматься именно координацией деятельности. Потому что у каждой компании свои подходы и свои узкие, проблемные места. Для одних узкое место – электроцентробежные насосы, для других – станки-качалки. Все зависит от месторождения, его дебита. Думаю, стоит ввести в практику хотя бы отчётность: поквартальную, месячную. Чтобы иметь картину с цифрами, отображающими уровень импортозамещения в компаниях.

Надо все же чтобы наша Федеральная служба государственной статистики тоже озаботилось хотя бы правильностью цифр. Тогда ситуацию можно будет оценивать более объективно.

– Кто должен заниматься внедрением этой структуры, министерство?

Я считаю, что это должен быть хозрасчётный орган. Министерство не может повлиять на нефтяные компании, потому что они сами по себе.

– Если говорить о научно-технических мерах, которые принципиальны для импортонезависимости. Что развивать первоначально: оборудование, технологии?

Когда мы говорим об импортонезависимости, то надо понимать, что вопросы оборудования здесь являются важными, но не главенствующими. Я убеждён, что всё железо мы можем делать сами. Могу привести пример ЛУКОЙЛа на месторождении имени В. Филановского. Все эти платформы сделаны в Астрахани. Всё железо сделано там. Оборудование разное: и наше, и чужое. То есть мы можем, когда захотим.

Это касается и запорной арматуры. Сегодня примерно 50% арматуры зарубежная. Хотя наши заводы могут делать не хуже, в частности Гусевский арматурный завод «Гусар» во Владимирской области. Мало того, что они сейчас выпускают арматуру на уровне лучших зарубежных образцов, они теперь начали заниматься оборудованием для подводной

добычи нефти и газа.

Но все же главное – это технологии. Поэтому мы должны сделать на них акцент. А после этого решать все остальные вопросы.

В качестве иллюстрации приведу такой пример. Технология добычи нефти и газа из сланцевых пород США была разработана малыми компаниями. Ни одна крупная компания этим не занималась. Сейчас, когда они поняли свой промах, они покупают малые компании, которые владели или владеют этой технологией. Я это говорю к тому, что малый бизнес может и должен быть поставлен во главу угла.

Технологии – это деньги, инвестиции, которые нужно направлять в НИОКР. Мы не можем, к сожалению, законом обязать, условно говоря, ЛУКОЙЛ или Газпром нефть направлять какой-то процент средств на НИОКР. Но какие-то меры, связанные со стимулированием развития НИОКРа и технологий надо применять. Думаю, что в принципе нам нужно было бы иметь какую-то специальную структуру в нашем нефтегазовом комплексе, которая бы занималась внедрением нефтегазовых технологий.

На мой взгляд, нужно развивать технологии, связанные с добычей трудноизвлекаемых запасов, технологии, связанные с добычей высоко обводнённой нефти.

– А в нефтехимии, где наибольшее отставание?

Во-первых, это катализаторы. В этом плане уже кое-что сделано, есть достаточно серьёзные наработки, но мы по-прежнему делаем упор на зарубежные катализаторы.

И второе – это оборудование.

“Это все вопросы, которым нужна серьёзная государственная поддержка, строго направленная.”

Нам нужны технологии, связанные с переработкой нефти, глубокой переработкой. Мы много сделали. Появилось около 70 установок вторичной переработки за последние несколько лет. Но нужно в два раза больше. То есть ещё впереди достаточно серьёзная работа. Главный показатель – это выход светлых нефтепродуктов. За рубежом – это 70-75%, у нас примерно 50-55%.

– Какова доступность на сегодняшний день необходимых эффективных технологий?

Я считаю, что зарубежные – малодоступны, свои – тоже. Наука сегодня разбросана по разным компаниям, поэтому единого центра, который мог бы целенаправленно заниматься этим делом – нет. Сегодня компании самостоятельно определяют эти вопросы. А это значит, то, что делают в ЛУКОЙЛе, не знают в Роснефти, Газпроме и наоборот. Конечно, это плохо. Раньше был Госкомитет по науке и технике, который координировал все вопросы научно-технического прогресса. Отсюда и появлялись новые технологии, оборудование. На мой взгляд, сегодня было бы хорошо иметь какой-то банк данных по новым технологиям. И этим могла бы заняться компания РИТЭК, у неё есть уже такой банк данных, который содержит несколько сотен самых разных технологий. Но это их добровольное дело на общественных

началах, а надо чтобы это было обязательным. То, что в этом отношении нужен какой-то координирующий орган, я, абсолютно уверен.

Сейчас существует Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию, который занимается высшим образованием и новой наукой. Не знаю, как он себя проявит. Все же зависит от людей, которые туда придут. Сегодня наша Академия наук, к сожалению, утратила тот авторитет и влияние на экономику страны, которые были при академиках М. Келдыше, А. Александрове, Г. Марчуке.

Институты должны работать на производство. За рубежом считают, что вся наука должна быть сосредоточена в учебных заведениях. У нас традиционно это было не так. Это были все же академические институты, которые занимались фундаментальной наукой и ведомственные институты, которые занимались прикладными решениями. В той же нефтяной промышленности, институт имени

А.Н. Крылова, который занимался вопросами нефтеотдачи, новыми технологиями, он был в подчинении Министерства нефтяной промышленности. Сегодня ЦНИИ им. акад. А.Н. Крылова подчиняется Зарубежнефти и задачи там ставятся и решаются менее масштабные. Он не занимается внедрением новых технологий.

То же самое касается академических институтов. Да, у нас есть Институт проблем нефти и газа РАН. Но, на мой взгляд, близкого соприкосновения с делами производства у них нет. Что далеко ходить. Возьмите проблему, связанную с добычей нефти бажена или доманика. Почему в этом национальном проекте, который был утверждён в мае прошлого года, главным является – Газпром нефть, а не Институт проблем нефти и газа? Его там даже нет в списке! Это неправильно в принципе. Там должна быть научные центры помимо компаний. Если мы не будем на это влиять, то так и будем отставать.

“Объём наших инвестиций в НИОКР суммарно по всем компаниям равен примерно 250 млн долларов в год. А та же компания «Schlumberger» тратит 1 млрд долларов в год. Делайте выводы.

– А что касается морской добычи, добычи на шельфе? Насколько в сегодняшних условиях это может быть необходимо?

Здесь нужно действовать без фанатизма. При нынешних ценах, немалых, ни один проект арктического шельфа не будет рентабельным. В Арктике все дороже. Надо создавать инфраструктуру, базы, восстанавливать Северный морской путь. А лезть туда с добычей – себе дороже. Нет соответствующего оборудования, технологий, судов.

Я считаю, что надо развивать транспорт нефтепродуктов. Это производственная и экономическая задача. У нас нефтепродуктопроводов около 20 тысяч км, у американцев 240

тысяч км. Но и здесь возникает проблема: трубопроводный транспорт самый эффективный, но тогда снижается объём ж/д перевозок. Тогда РЖД сразу теряет огромный объём выручки. С точки зрения государственной – да, надо. С точки зрения конкретного РЖД – надо смотреть, чтобы был баланс.

– Вопрос принятия и регулирования налоговых мер, изменения налогового кодекса. Какая у вас позиция на этот счёт?

Позиция одна. Надо внимательно пересмотреть, проанализировать все поборы, которые есть в нефтегазовом комплексе. Во всём мире налог берётся с финансового результата, то есть с прибыли. Не понимаю, зачем мы сейчас выдумываем какие-то эксперименты с НДС. Весь мир работает не так.

Возьмите Норвегию. Их нефтяная промышленность насчитывает всего 40 лет. У них сегодня налог 70%. Но 70% от прибыли, а у нас 65% от выручки. Глупость несусветная. Или тот же НДС. Для начала – это вовсе не налог. Ты получил продукт, продал, уплати налоги. НДС – это ты только добыл, ещё не продал никому, а уже заплати. При этом компании работают в разных условиях. У одних дебит скважины 100 тонн в сутки, у других 10 тонн. А НДС платим одинаковый. Если у компании хорошее месторождение, высоко дебитное, то она в масле катается, а другая – должна пахать и пахать.

“Поэтому НДС – это уникальная глупость.”

На мой взгляд, НДС нужно заменить другими налогами. От чего зависит НДС? От мировой цены на нефть.

– На Ваш Взгляд, есть ли необходимость принять закон «О полигонах»?

В законе, скорее всего, нет необходимости, а сделать соответствующие поправки в закон «О недрах» – да. На полигоне мы должны обязательно проводить испытания оборудования и чужого и нашего. Проводить испытания тех же труб, материалов и т.д.

– Некоторые эксперты считают неуместным принятие специализированных законов. Если принимать закон «О нефти», то нужен будет о закон «О никеле», и «Об угле».

Никель хорошее дело, но страну кормит нефтегаз. Из 102 стран, которые добывают нефть, 100 имеют закон «О нефти». А мы – нет. Я считаю, что с вопросами импортонезависимости связаны проблемы нефтегазового сервиса. Потому что сервис обеспечивает объёмы добычи и все остальное. Если мы по-прежнему будем опираться на сервис компаний «Schlumberger» и «Halliburton» и т.д., то мы тогда никуда не сдвинемся.

И ещё один из главенствующих вопросов. Нам надо серьёзно заняться созданием и развитием наших инжиниринговых компаний. Потому что если инжиниринговая компания зарубежная, то она будет тащить своё оборудование, свои технологии. А у нас, в нашем нефтегазовом комплексе, таких компаний практически нет.

– Чем, по Вашему мнению, удобны и в чем сильны западные партнёры?

Они приходят с готовыми технологиями. В этом отношении мы серьёзно отстали по многим технологическим процессам. Это касается вопросов бурения горизонтальных, наклонных скважин. Это касается вопросов, связанных с ГРП. Особенно отстали в части оборудования для этих целей. Те флоты, которые у нас сегодня есть, они в основном базируются на зарубежном оборудовании, хотя некоторые образцы есть и наши. Но пока это только единицы, и потом они уступают зарубежным образцам в плане качества и мощности. Наши установки делают 10-11 ГРП, а зарубежные делают уже 15,20,30 и даже больше таких разрывов. От чего это зависит? От давления, мощности, оборудования и главное – технологий.

Следующий момент, который надо учесть, связан с тем, что за последние годы многие международные компании провели колоссальную работу по снижению стоимости работ. Это касается и бурения в том числе. Поэтому сегодня разница между бурением скважины горизонтальной и вертикальной за рубежом – 10-20%. У нас бурение горизонтальных скважин, по меньшей мере, на 50% дороже, чем бурение вертикальных.

Неслучайно, что ещё два года назад себестоимость сланцевой нефти была примерно 60-70 долларов за баррель. Сегодня – у тех же американцев – эта стоимость достигает 35 долларов. То есть она уже сравнялась с себестоимостью нефти во многих других добывающих районах кроме нас и Ближнего Востока.

Мы в плане снижения себестоимости отстали. Это касается затрат на бурение, добычу. Вопрос даже в том, что подавляющее большинство наших компаний глубоко не анализируют все имеющиеся издержки и естественно не ищут пути их снижения. Сегодня, допустим, наши малые компании часто более эффективные, чем ВИНКи. Потому что у них меньше обуза, ниже затраты. Но мы же не поддерживаем малый бизнес. Я говорю про наших чиновников, депутатов, которых мы убеждаем сделать акцент на это. К сожалению, движения в этом отношении нет.

Сколько себя помню, всегда говорили о том, что наша производительность у нефтяников в 3-4 раза ниже, чем у американцев. Хотя, думаю, что здесь есть лукавая цифра. Во-первых, надо смотреть, что считают. Возьмём, к примеру, Сургутнефтегаз. Их затраты непосредственно на добычу нефти больше, чем у других компаний. Почему? У них свои строители, свои буровики. Но если говорить в целом, о финансовых потоках, то получается, что тот же Сургутнефтегаз тратит на бурение на 20-30% меньше, чем те компании, которые отдали бурение на аутсорсинг, приглашая тех же буровиков на подряд. Поэтому неслучайно с точки зрения финансовых показателей, Сургутнефтегаз – самая благополучная компания.

То же самое касается и расчёта. Если он все раздал всем и у него остались только те, кто открывает задвижки, включает насосы – количество рабочих в разы меньше. Но надо брать не только производительность, но и экономические показатели. Поэтому у Владимира Богданова, с точки зрения производительности рублей на человека – затрат больше, но

доход значительно выше, чем у любой другой компании.

– Почему компании не готовы повторить опыт Сургутнефтегаза?

Это к вопросу методики подсчёта производительности. К примеру, в Роснефти добычей занимается лишь десятая часть компании, а у Богданова 100% участвуют в добыче. Поэтому там и производительность может быть больше. Если самоцель в повышении производительности – это одно, но главное, я считаю, – это все же эффективность работы, то есть прибыль и другие экономические показатели.

Но с другой стороны, стоит вопрос технологий. Если скважина бурится 5-7 дней (как у американцев), а у нас такая же бурится 15-20, то естественно, отсюда и производительность. Поэтому это уже вопросы технологий, управления. Это вопросы где-то даже и цифровизации. В любом случае надо работать над технологиями, тогда можно говорить о повышении производительности труда.

Непосредственно с проблемой импортонезависимости связана и проблема стандартизации технического регулирования. Надо разрабатывать свои стандарты, надо

чтобы они были гармонизированы с зарубежными.

Начинать все вопросы, связанные с импортозамещением, импортоопережением нужно именно с этих проблем. Это и научно-техническая и производственная мера, и регулирующая. У нас есть закон «О стандартизации», был принят два года назад. Он пока не в полной мере работает. Потому что нужны подзаконные акты, изменения, предложения.

– И в заключении, Геннадий Иосифович, приведите пример компании, которой сегодня удалось проделать эффективную работу по импортозамещению?

Работа ведётся у многих компаний, она заметна. То, что ТПП в конце года подводит итоги и награждает компании, которые сумели достичь высоких показателей импортозамещения – это хорошо и правильно. И то, что Фонд развития промышленности помогает таким компаниям – тоже хорошо. Может быть недостаточно, но, тем не менее, предприятия, которые занимаются вопросами импортонезависимости, все же получают свои 100-200, 500 млн рублей.

Думаю, из недавнего стоит отметить работу Челябинского трубопрокатного завода. Они делают трубы на самом высоком мировом уровне, с точки зрения надёжности и прочности. Там делаются и нефтепроводные трубы с внутренним покрытием, которое позволяет, по меньшей мере, на 4-5% увеличить их производительность. А это большие цифры. Что такое 5%? Если, к примеру, стоимость трубы в трубопроводе составляет 40 млрд рублей, то 5

Импортонезависимость: актуальные вопросы. Тематическое приложение

% – это уже 2 млрд, совсем не мало. Поэтому, конечно, наши трубники в плане импортонезависимости провели колоссальную работу. Да, это потребовало больших вложений, государственной поддержки. Но это уже окупилось и окупится ещё.

Интервью подготовили Сергей Черных и Наталья Силкина

Ответственный редактор

Сергей Черных

*При использовании данного материала обязательна ссылка на источник
info@sngpr.ru.com www.sngpr.ru.com*